

Лорд Жуан

"THE SUN OF SLEEPLESS" - "СОЛНЦЕ НЕСПЯЩИХ".

Такой образ из двух слов мог создать только поэтический гений.

Джордж Ноэл Гордон Байрон, шестой лорд Байрон, явился на свет не в солнечном блеске и тепле любимого им юга, а в самой середине гнилой лондонской зимы 1788 года, и не в роскошном родовом поместье, а в закопченном и обшарпанном особняке.

Виртуозный мастер стихотворной техники и один из богатейших (по активному словарю) английских поэтов, о родном языке сравнительно с итальянским он в поэме "Дон Жуан" отзывался так:

*Люблю язык! Латыни гордый внук,
Как крепок он в созвучьях полногласных!
Как дышит в нём благоуханный юг!
Как сладок звон его певучих гласных!
Не то что наш, рождённый в царстве вьюг
И полный звуков тёмных и неясных.
Такой язык, что, говоря на нём,
Мы харкаем, свистим или плюём.*

Сложившийся образ лорда Байрона словно вместили все штампы, применяемые для описания "противоречивых натур": богач, аристократ, гениальный поэт, атеист, борец за свободу, неотразимый победоносный любовник, урождённый политик – член палаты лордов, вечный оппозиционер и неприкаянный скиталец... Как ни странно, штампы к месту – именно таков был лорд Байрон. С одним существенным уточнением: красавец и дамский любимец с колыбели страдал сильной хромотой. Но английский лорд – само совершенство по праву рождения.

Даже на фоне бурной политической жизни Англии начала XIX века Джордж Байрон казался шаровой молнией, влетевшей в торжественную библиотечную тишь английской словесности. Романтик и политик до мозга костей, он гениально гремел, затмевая поэтической дерзостью и мощью многих современников; признанный мэтр

Вальтер Скотт, прочтя стихи Байрона, отрёкся от собственной поэзии перед лицом превосходящей силы.

И всё же великий Байрон был прежде всего циником и эгоистом. Законченный продукт своей ни с кем и ни с чем не привыкшей считаться среды, он всё преломлял только через своё громадное Я – любовь к свободе, мировую скорбь, отношение к другим людям, в жизни многих из которых, особенно женщин, сыграл роковую роль.

Он не боялся смерти, порой искал её. И смерть отомстила певцу свободы – пришла к нему не с порохом и железом, а с малярийным плазмодием в глотке скверной воды. Это случилось 19 апреля 1824 года, на следующий день после Христова Воскресенья.

Какая-то греческая старуха однажды сказала Байрону: "Будь осторожен в тридцать седьмой год своей жизни!"